

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ИБРАЕВ Л И.

НАДЗНАКОВОСТЬ ЯЗЫКА

(К проблеме отношения семиотики и лингвистики)

Одна из причин давней и до сих пор продолжающейся дискуссии о знаковости языка¹ – распространенное понятие знака как любой вещи, имеющей значение, представителя (репрезентанта) другой вещи. Оно идет от Ч. Пирса («Под знаком я понимаю любое, что сообщает какое-либо понятие об объекте»²), Ф. де Соссюра³ и Э. Кассирера, который ставит себе в заслугу, что ему неизвестно другое определение знака, кроме как явления, имеющего смысл⁴, представителя предметов (Stellvertreter). Его разделяют Ч. Моррис⁵, Ч. Осгуд⁶, да и в нашей литературе оно не редкость. Именно из такого понимания знака логично вытекает знаковость языка и даже всей культуры, и всего мира, а сам человек объявляется «знаковым животным» («animal symbolicum»): ведь слова, образы и все вещи вокруг имеют для нас какое-то значение, вызывают представления, чувства, мысли, следовательно, все они знаки.

Вслед за Пирсом эти объемлющие мир знаки обычно разделяют на три вида: 1) индексы («естественные знаки», как их называл Т. Гоббс) – знаки, которые ассоциируются с обозначаемым объектом в силу связи, существующей между ними в природе (так, флюгер – знак направления ветра, туча – знак дождя и т. д.); 2) изобразительные («иконические») знаки – те, которые ассоциируются с вещью в силу сходства; 3) сим-

¹ Назовем несколько последних работ: Р. А. Б у д а г о в, Борьба идей и направлений в языкознании нашего времени, М., 1978, стр. 47–50; В. З. П а н ф и л о в, Марксизм-ленинизм как философская основа языкознания, ВЯ, 1979, 4, стр. 10 – 11, 14; Ф. П. Ф и л и н, Некоторые вопросы современного языкознания, ВЯ, 1979, 4, стр. 23; В. А. З в е г и н ц е в, К вопросу о природе языка, ВФ, 1979, 11, стр. 72.

² Ch. Peirce, Collected papers, Cambridge (Mass.), 1960, 1, стр. 285, 346; 2, стр. 135, 156, 169.

³ Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 73, 77 – 79.

⁴ E. Cassirer, Philosophie der symbolischen Formen, 3, Berlin, 1929, стр. 53, 109, 126, 165.

⁵ Ch. Morris, Grundlagen der Zeichentheorie, München, 1972, стр. 20, 91, 93,

⁶ «Семиотика и искусствометрия», М., 1972, стр. 287 – 288

волы – знаки, являющиеся таковыми «в силу соглашения»⁷.

Семиотизм в лингвистике, эстетике и других науках имеет принципиальное значение, поскольку предполагает, что все науки должны перейти на понятия и методы семиотики. Распространение понятия знака за его истинные границы назовем *семиотизмом* – в отличие от достойной уважения семиотики, подобно тому, как различают механику и механицизм, физику и физикализм, химию и химизм и т. д. Связь, особенно в структурализме, с развитием символической логики, формализованных языков и кибернетики придает ему вид строгой научности.

В чем ограниченность семиотического «империализма»? Прежде всего в невнимании к обусловленности человеческого сознания практикой и процессом практического отражения, а также в бедном и потому чрезмерно широком понятии знака и его недialeктическом рассмотрении вне развития и разносторонних связей.

Обычные вещи, природные или созданные людьми – хозяйственные и бытовые, конечно, вызывают у нас образы других вещей («несут информацию»), но не являются знаками в собственном смысле слова, потому что, во-первых, нейронно-синапсная связь между физиологическими основами образов таких вещей является обычным рефлексом или ассоциацией и свойственна всем животным с нервной системой, даже каким-нибудь медузам, хотя они и не применяют знаки; во-вторых, обычные вещи не являются средствами общения, потому что они либо никем не созданы (например, туча), либо созданы (как, например, стол), но не для сообщения о другой вещи; в-третьих, большинство объектов воспринимаются как вещи с какими-то практическими свойствами и сами по себе, безотносительно к психической связи их образа с образом другой вещи, а знаки – это вещи, созданные людьми, и сами по себе, вне своей знаковой функции, для нас бессмысленные: не природные вещи, не орудия и не средства потребления. Поймав в 1967 г. идущие из космоса периодические радиоимпульсы, английские астрономы приняли их сперва за сигналы внеземной цивилизации. Но как только открылись естественные закономерности пульсаров, они перестали быть знаками.

А как же символы? Изображение весов или лиры на фронтоне здания, лавровый венок, пиктограммы, схемы идеограмм, хотя бы дорожных, топографических знаков, иероглифов – разве они сами по себе бессмысленны? Но, во-первых, эти вещи или их изображения становятся знаками только благодаря и с к у с т в е н н о с т и , т. е. прежде всего вырванности из закономерной для них ситуации. А весы на прилавке – не символ справедливости, а просто прибор для определения веса. Во-вторых, благодаря коммуникативной намеренности — распо-

---

⁷ Ch. Peirce, указ. соч., I, стр. 171, 196.

ложения в ситуации, требующей знака. Весы, валяющиеся под прилавком, тоже находятся вне собственной закономерной ситуации, но не являются символом. Такова диалектика: объективная обесмысленность наполняет вещь знаковым смыслом, выделяя в ней признак другого, делает символом. И л ю б а я вещь, вынесенная из ее закономерной ситуации в коммуникативную, становится символом. Так, солнце становится символом силы жизни, колос – земледельцев, циркуль – конструкторов, монета – буржуазии, письменный стол – бюрократии, диван – лени, чайка – мечты о свободе, буреветник – революции и т. д.

Лишь невнимание к практической действенности и собственной закономерности обычных вещей и к коммуникативной функции знака может приводить к обобщениям, вроде того, что одежда или пища есть знак, а одевание или питание – язык (Р. Барт). Идеализм не понимает первичности материальных взаимодействий, и ему просто необходимо представить одежду или родственные отношения не в качестве результатов или регуляторов экономических отношений, а всего лишь знаковыми системами, – только тогда их можно выдать за результаты каких-то абстрактных структур вроде языкового синтаксиса.

Обычные вещи – не знаки, а *признаки* (indication, Anzeichen). Признак есть просто вещь или явление, вызывающее рефлекс, ассоциацию или мысль о другом. Виды признаков по их функции многообразны: о р и е н т и р ы – пространственные признаки; с и м п т о м ы – признаки явлений, скрытых внутри; п о к а з а т е л и – признаки уровня развития; п о к а з а н и я приборов – искусственные (созданные человеком) признаки; приметы (Merkmal, token) — признаки отличительные: черты объекта, по которым можно узнать его тип (род, класс), средство узнавания (идентификации) объектов. В свою очередь среди примет выделяются: м е р а – количественная примета какого-то качества; к р и т е р и й – примета ценностных качеств, утилитарных, истинностных, эстетических, нравственных и т. д. По содержанию признаки бывают природные и социальные: психические, этнические, политические, эстетические и т. д. Конечно, одежда – как признак – может служить и знаком: пурпурные тоги и горностаевые мантии, короны, цилиндры или кепки, клеши или джинсы – намеренные знаки общественного положения, истинные или ложные. Но в первую очередь социальные вещи имеют практическое назначение и вместе с тем выступают признаками. Лоснящиеся обноски на человеке, конечно, свидетельствуют о его бедности или неряшливости, но не потому что он подает знаки, хочет об этом сообщить другим. Умствования Барта об одежде-языке для бедняка – просто издевательство. Тем более не знаки – природные вещи, не имеющие сообщающего.

Признаки – не знаки, но в одном похожи на знаки: они также

имеют значение, способность вызывать образы других вещей; и даже могут быть многозначными: та же туча может предвещать и спасение урожая, и опасность молнии, и «рассеянную бурю». Таким образом, значение – шире знака. По этому сходству признаки называют знаками, и это верно метафорически, но приводит семиотистов к поспешным выводам о всеобщности знака и знаковости сознания.

На самом же деле сознание является, если можно так выразиться, признаковым. Это значит, что, во-первых, все окружающие вещи выступают для нас как признаки, т. е. рефлекторно, ассоциативно и мысленно вызывают образы других вещей. Во-вторых, образы вещи выступают ее приметами. Ведь каждую вещь мы видим каждый раз с какой-то одной стороны и угла зрения, поэтому в самых различных о б л и к а х ; но в каждом из них мы опознаем ту же вещь или того же рода. Так, глядя на круглое отверстие чашки сбоку, мы видим вытянутый эллипс или даже полоску, но воспринимаем круг. При этом мы узнаем в вещи и такие прежде познанные свойства, которые в этот раз недоступны нашим чувствам и даже те, о которых вообще узнаем не зрением, а ощущаемыми движениями и действиями с вещью: ее пространственные формы и размеры, пластические свойства (твердость, упругость и т. д.), гравитационные (тяжесть или легкость) и т. д.

Признак шире и первичнее знака, а не наоборот, как это утверждают семиотисты. Все окружающие вещи выступают для нас как признаки, а знак – только вид признака, социально порожденный и социально функционирующий признак. Вещи являются объектами познания, но как признаки – они еще и средства познания; а знаки – прежде всего средство вызывания знания у других, т. е. сообщения. Но признаки являются е с т е с т в е н н о й о с н о в о й , из которой в общественной практике возник язык, подобно тому, как отражение в качестве общего свойства материи является естественной основой сознания..

Превращение признаков в язык прошло по меньшей мере семь основных ступеней:

1. Б и о л о г и ч е с к и е признаки, морфологические и поведенческие, которые выполняют симбиотическую функцию в эволюции живых существ и способов их сосуществования (биоценозов, симбиозов и т. д.). Так, когда случайные изменения формы, цвета и запаха листьев и выделение ими нектара вызывали у насекомых-опылителей благоприятную для растения реакцию, эти изменения закрепились естественным отбором и листья превратились в цветы. Нередко цветы называют сигналами для пчел и бабочек. В действительности, цветы не созданы растением с целью общения и служат только признаком, но уже естественно отобраным в качестве признака, а для самого растения лишним и только как признак благоприятным и для него, и для

сосуществующих с ним животных. Аналогично происхождение и признаковое значение яркого оперения самцов у многих птиц и всей мимикрии, миметизма и других видов покровительственной окраски и формы.

У рыб, птиц, копытных и других стадных животных поведение соседа становится признаком чего-то, воспринятого им и важного для других, почему и вызывает инстинктивное подражание действиям соседа. Но такое признаковое поведение неверно называть знаком или даже сигналом, потому что это обычное поведение – реакции, не имеющие целью общение.

2. Следующий вид признаков – **выражения** (экспрессии) – симптомы чувств, отраженных в мышечных движениях глаз, лица, рук, груди и гортани, а потому и голоса (интонация). Наличие в действии эмоциональных признаков называют его выразительностью. Восприятие выражений, как и всяких объектов, является двигательным («моторным»), включает их редуцированное мышечное воспроизведение: проговаривание, пропевание, протанцовывание и т. д.; мышечные же движения ощущаемы и поэтому вызывают те же чувства, которыми они сами вызваны; выражения «заражают» своей эмоцией других. Как показали исследования Ч. Дарвина, В. Келера, Н. Н. Ладыгиной-Котс и других зоопсихологов (этологов), выражения и «заражение» ими наблюдаются у всех общественных животных: беспокойство или умиротворенность одних быстро передаются другим.

Являются ли выражения знаками? Нет, потому что выражения являются задержанными признаковыми биологическими реакциями и потому, во-первых, они обычно не могут быть произведены произвольно, во-вторых, они подчинены ситуации, в-третьих, они закономерны в своей ситуации как реакции на нее, в-четвертых, они не имеют целью общение. Мы вздрагиваем, бледнеем, краснеем и т. д. не для того, чтобы сообщить другим о нашем испуге или смущении или тем более о внешних вещах.

Третья ступень – **сигнал** – искусственный признак с координационной функцией, а именно мышечное, звуковое, запаховое и т. д. действие для побуждения к действию других особей. Сигналы развились из признаковых реакций на биотическую ситуацию в результате совместной деятельности стадных животных, когда в их психике отразилась (в виде инстинктов у насекомых и условных рефлексов у высших животных) зависимость чужих действий, ставших важными, от собственных признаковых действий. Что касается психического значения сигналов, то оно очень абстрактно и бледно, если вообще о нем можно говорить: они обозначают не конкретные вещи, а только одно их общее и биотическое свойство: пища! опасность! не ходить! на помощь! и т. д., но и функция сигналов – не сообщение, а вызов сразу действия.

Поскольку в сигнале признаковая реакция производится уже не для непосредственного удовлетворения потребности, а для вызова нужных действий других, она становится биотически сокращенной и незавершенной, но зато в ней увеличивается все, способствующее ее восприятию. Так, у обезьян просьба дать – это умоляющее выражение глаз и многократная имитация движений хватания, сигнал отказа от пищи – кривление губ и отворачивание морды.

Люди тоже применяют сигналы: двигательные – таковы некоторые жесты (указательные и побудительные), звуковые (звонки, колокола, гудки, сирены), световые (вспышки, смена цвета), электрические и т. д. – на транспорте, производстве, в войсках. Человеческие сигналы уже осознаны и условны, но тоже прагматичны и ситуативны: они несут некоторое общее сообщение о каком-то важном событии в ситуации – опасности, нарушения технологии процесса и т. д. и побуждение к действию (команду)

В кибернетике понятие сигнала, по-видимому, расширилось: здесь под сигналом подразумевают в с я к о е воздействие (импульс) на самоуправляющуюся систему, которое приводит ее в самодействие, почему энергия внешнего действия несоизмерима (больше или меньше) с энергией действия системы. Первый признак здесь, кажется, отпал: сигналом служит не обязательно чья-то реакция на ситуацию. Но это объясняется тем, что компьютеры – не живые и не общественные системы; они созданы тоже для реакции на чужую реакцию, но реакции на ситуацию, важную не для них, а для их создателя – человека и закодированную в их программе. Таким образом, прагматичность и ситуативность сигнала охраняются и в кибернетике.

В какой мере являются сигналы знаками? Как и знаки, они вызывают образ, но, во-первых, очень абстрактный, во-вторых, прямая функция или цель сигнала – не сообщение, а чужое действие, в-третьих, сигналом служит явление, т. е. движение, которое, следовательно, возникает и исчезает, а знаком может быть не только явление, но и вещь, т. е. относительно устойчивое материальное образование. И это не случайная мелочь, а проявление другого и более существенного четвертого различия – ситуативности сигнала: сигнал означает реальное окружающее и как реакция определяется ситуацией, а знак может означать и воображаемые объекты и вызываться не ситуацией. Таким образом, сигнал – уже знак, но еще ограниченный, низший вид знака.

Поэтому распространенные с конца прошлого века и до сих пор разговоры о «языке животных», даже кур, муравьев и пчел, являются гипер-морфизмом – упрощающим возведением низших форм в высшие, если не метафорой. У животных существует не язык, а признаковое поведение, выражения и сигналы, хотя уже и они являются опосредованным способом регулирования поведения и, следовательно, оп-

ределенного предвидения. Даже для прирученных животных наши слова – не более, чем сигналы. Попытки психологов научить обезьян обозначать вещи звуками показывают, что и такие звуки обезьяны употребляют просто как побудители к действию: дать им пищи, воды и т. д. Инстинкт не может быть психической основой языка в принципе, потому что он исключает произвольность и неситуативность действия.

Противоположное заблуждение – низведение знака до сигнала в бихевиористской концепции знака характерно для Дж. Уотсона в психологии, Ч. Морриса в семиотике, Ч. Огдена и А. Ричардса в эстетике, Л. Блумфилда в лингвистике, П. Бриджмена в гносеологии⁸. Причина такого редуktivизма – намеренно биологический подход, а у животных существуют именно сигналы, функция которых – вызов именно действия.

Четвертая и пятая ступени – притворные выражения и обманные сигналы, возникающие у высших животных, особенно обезьян. Такие выражения и сигналы применяются в игре или для обмана других членов стада или даже животных другого вида. Если в быту кто-то нахмурит брови, не испытывая на самом деле недовольства, – это притворное выражение.

Являются ли знаками притворные выражения? Они уже произвольны и независимы от ситуации, как это свойственно знаку, но их цель – вызвать непосредственно реакцию-поведение, а не образ, сообщение не знания (информации), а, наоборот, заблуждения (дезинформации). Таким образом, искусственное выражение – это переход от признака к знаку, но еще не знак, потому что только ложный знак.

Однако из искусственных выражений и сигналов в процессе общего-труда развилась способность производить сигналы независимо от ситуации, чтобы вызвать только образ, а не обязательно сразу действие, и, следовательно, произошел переход к шестой ступени – знаку в полном смысле слова. Причина превращения выражений и сигналов в знаки – не просто совместная деятельность, а совместный труд, который создал необходимость вызывать не сиюминутные действия на наличную ситуацию, а образы в чужом сознании для влияния на будущие действия в будущих ситуациях. Человеческие жесты, как стихийные, так и условные (кодифицированные), например, жесты этикета или глухонемых, в большинстве тоже имеют целью сообщение, т. е. являются знаками.

---

⁸ См.: Дж. Уотсон, Психология как наука о поведении, М. – Л., 1926, -стр. 303 – 305; Ch. Morris, указ. соч., стр. 42, 52, 68; C. K. Ogden, I. A. Richards, The meaning of meaning. New York, 1956, стр. 11, 200, 244; Л. Блумфилд, Язык, М., 1968, стр. 142 – 164; P. W. Bridgman, The logic of modern physics, New York, 1927, стр. 5 – 7.

Итоговое определение знака: **знак** есть вещь или явление, 1) доступное восприятию, 2) искусственное (произведенное человеком), 3) произвольное (управляемое) и потому 4) намеренное – с целью вызвать и 5) вызывающее в сознании как его производителя, так и воспринимающего образ 6) других, отличных от него вещей или явлений, то есть применяемое для памяти или общения, а 7) вне этой мнемонической и коммуникативной функции в своей ситуации не закономерное.

Некоторые виды знаков, соответствующие видам признаков: индекс – искусственный показатель; указатель – искусственный ориентир; *мета* – искусственная примета (зарубки, клейма, печати, значки). Когда мета употребляется только для узнавания, а не коммуникации, она может быть индивидуальной и еще не является знаком. Но всякая мета соединена с обозначаемым объектом, поэтому еще не свободный знак.

Сама вещь или явление, действующие как знак, называется носителем знака, *медиатором* или просто знаком (по Соссюру, «значающим»). Медиатор создается искусственно и потому стал возможен только с развитием человеческой способности к созиданию. Его материальную структуру образуют меты – искусственные типизированные и з о б р а ж е н и я элементов его звучания или графики как средства его узнавания поэтому в них действует закон обобщений – различий, т. е. типов. Таковы фонемы как элементы морфем; так называемые (по Трубецкому) «различительные (дифференциальные) признаки» (а вернее – *меты*) фонем; графемы – элементы иероглифов и букв; точки, тире и паузы в телеграфном коде и т. д. Их значение – «быть элементом знака» – является обычным для признака отношением части к целому. Система типов-мет и составляет алфавит какой-то знаковой системы.

Что является значением знака? Многочисленные концепции значения можно свести к двум. Первая – о б р а з н а я : значение знака есть явление сознания – образ: представление или понятие (идея, концепт, сигнификат). Такое понимание значения с древности выдвигается материализмом, видящим в значении знаков отражения объектов, и объективным идеализмом, который, однако, принимает значения за объективные идеальные сущности, «универсалии». Образная концепция, конечно, в материалистическом понимании, разделяется большинством советских семиотиков, лингвистов, психологов и логиков, хотя некоторые неточно определяют значение как отношения знака к образу. Вторая – о б ъ е к т н а я (предметная, денотатная) концепция: значение знака – обозначаемые объекты (предметы, денотаты)⁹. По-

---

⁹ См.: Д ж . С . М и л л ь , Система логики, гл. II, М., 1899, 5; Г . Ф р е г е , Смысл и денотат, «Семиотика и информатика», 8, М., 1977, стр. 183; Р . К а р н а п , Значение и

сколькx действия и отношения тоже объективны, она включает концепции: а) д е я т е л ь н о с т н у ю (функциональную), как бихевиористскую, так и операционалистскую¹⁰, б) структурную (синтаксическую) Соссюра, Витгенштейна, Трира, Ельмслева, Харриса и других дескриптивистов: значение знака – его отношения с другими знаками (функционалирование, применение в языке, возможные сочетания)¹¹. Этот взгляд абсолютизирует иллюзию составителей словарей, которые выявляют значения по контекстам и описывают их через отношение к синонимам, антонимам и другим словам («лексическим полям»), и противоречит всякому необычному употреблению слова в метафоре или новой мысли. В действительности же, наоборот, значение слова определяет его употребление, а структуралисты рассматривают не значения, а о т н о ш е н и я значений. Так и пресловутое «измерение значения» Осгуда есть всего лишь числовое и геометрическое обозначение отношений слов к трем парам антонимов, точнее, к трем парам тощих абстракций, полученных от них посредством их метафорического осмысления.

Объектное понимание значения выдвинуто номинализмом и развивается в наши дни позитивизмом, исходящим из неприятия «экстралингвистического» мира и тем более – внутренних образов как индивидуальных и якобы недоступных объективному научному наблюдению (а только интроспекции). В применении к ложным знакам, косвенным высказываниям, отрицанию и синонимии объектная концепция ведет к абсурдам, указанным Расселом и впоследствии названным «семантическими парадоксами»¹², или даже к признанию тех же универсалий. Другие абсурды возникают при применении к ней диалектики содержания и формы, общего и единичного, субъективного и объективного, где неудовлетворительной оказывается и образная концепция. Их анализ позволяет сделать вывод, что значение знака – о т р а ж е н и е , но не пассивное, а относимое к самим объектам в нашем *практическом взаимодействии* с ними, короче, значение является п р а к т и к о - о б р а з н ы м . Значение знака – это вызываемые им о б р а з ы , а именно: образы объектов соответствующего типа (класса) – объектное значение, которое включает также эмотивное значение – образы чувств

необходимость, М., 1959, стр. 205.

¹⁰ См.: С h. Р e i g s e , указ. соч., 1, стр. 15; V. 2, стр. 315; С. M o r r i s , указ. соч., стр. 20, 42; Л. Б л у м ф и л д , указ. соч.; Р. M. B r i d g m a n , указ. соч.; А. П о л т о р а ц к и й , В. Ш в ы р е в , Знак и деятельность, М., 1970, стр. 45 – 47.

¹¹ Ф. д е С о с с ю р , Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 112 – 116; L. W i t t g e n s t e i n Philosophische Untersuchungen, Frankfurt-am-Main, 1971, стр. 69. Л. Е л ь м с л е в , Можно ли считать, что значения слов образуют структуру, в кн.: «Новое в лингвистике», 2, М., 1962, стр. 125 – 136. Л. Б л у м ф и л д , указ. соч., стр. 46 – 48.

¹² В. R u s s e l , Logic and knowledge, London, 1956; Г. Ф р e g e , Там же, стр. 181–182.

(именно образы чувств, а не сами чувства: мы можем понимать чувство другого, но не испытывать его); образы возможных действий с объектом – его обобщенное отражение, и потому средство управления нашими действиями с ним, что в свою очередь является основой и действительности психических образов и в то же время чувства объективности образов, направленности нашего восприятия и действия на объект [так называемой интенции образов и указания (денотации) и репрезентации знаков]. Мы говорим о мире, а не о его образах. Это двигательное значение порождает релятивное и, в частности, логическое и синтаксическое (грамматическое) значение – образы отношений между значениями знаков как абстракции отношений между объектами. По преимуществу синтаксическое значение имеют в естественном языке аффиксы, предлоги, послелоги и союзы, в логике – операторы $\subset$, $\wedge$, $\vee$, $\rightarrow$ и т. д., в математике – знаки математических операций $+$, 0 , $\int$, $\sqrt{\quad}$ и т. д. Поэтому ограничение синтаксическим значением правомерно только для формализованных языков, да и то при их теоретическом рассмотрении, но не в применении.

Идущее от Беркли мнение, будто образ, поскольку он единичен, не может передать общее, недиалектично: каждый единичный образ содержит в себе общее, а общее существует только в единичном¹³; поэтому понятие столь же противоположно представлению, как и тождественно ему: поскольку знак скрепляет образы многих в чем-то подобных друг другу объектов, он служит материальным средством обобщения, образования целых систем из представлений.

Значение знака – представление, но не подробное представление конкретного объекта в целом, а объединенное и одновременно сокращенное – система элементарных представлений признаков (десигнатов), общих (инвариантных, одинаковых) у всех объектов обозначаемого типа (поскольку представления только общих признаков повторяются при многих употреблениях знака и многими разными людьми); и вместе с тем и отвлечение (абстракция) от других, индивидуальных признаков. Иначе говоря, значение знака есть понятие (концепт), обыденное или научное (понятие о звезде неграмотного крестьянина и астронома), или, пользуясь метким названием Канта и Гегеля, схема. Так, схему понятия треугольника образует представление трех линий и трех их пересечений — углов, а их цвет, размеры и т. д. допускаются любых вариантов; и схема возможна, потому что любой единичный треугольник содержит эти признаки треугольника вообще.

Поскольку значение есть образ, его деление подобно делению отражаемых в нем объектов; поэтому части образа – это ощущения и соединения ощущений – черты, т. е. тоже образы, но не «атомы»,

---

¹³ См.: И. Кант, Соч., 5, М., 1966, стр. 374; Г. Гегель, Соч., 3, М., 1965, стр. 263 – 266.

«единицы значения», так называемые «семы», «компоненты», «маркеры». Образы подчинены диалектике общего – различного, а в отношении к отражаемым объектам «по объему» более «простые» образы, наоборот, шире более «сложных». Идея «сем» навеяна семиотистским воображением самого значения каким-то дискретным образованием самих по себе и отдельно друг от друга значимых частей, то есть знаков же. Удивительно, как при этом не замечают «парадокса» порочного круга: а что образует значение самих сем? – новые семы? – а значение новых сем? – и т. д. к дурной бесконечности.

Система значений знаков вовсе не новый «семантический язык», а мировоззрение, хотя мировоззрение шире системы значений; и образуется оно не из «сем», а из понятий, и не механическим «умножением» «семантических множителей», а образами их отношений – законов. Некоторым прикладным упрощением системы научных категорий и являются информационные «языки» («семантические коды»). Выявление системы категорий чрезвычайно важно, и над ним тысячи лет трудятся философия и специальные науки.

Объект, образы которого вызывает знак, обычно называют обозначаемым, а в специальной литературе – денотатом (denotation), или экстенсионалом, а их совокупность – родом, классом или объемом. Выделение в образе денотата различных, но частично накладывающихся десигнатов ведет к развитию многозначности денотата – синонимии, хотя, строго говоря, различные десигнаты есть разные объекты, почему отношение значений синонимов (по выражению Соссюра, их меновая стоимость, *valeur*) приводит к их взаимному отграничению (например, появление слова *оранжевый* сузило значение слова *красный*).

Знак (медиатор) является материальным посредником между обозначаемым объектом и его образом – значением, но не «замещает» обозначаемое, как утверждают Пирс или Моррис, и сам по себе не представляет (не «репрезентирует») его (Кассирер, Бенвенист¹⁴).

Между знаком и обозначаемым объектом нет никакой непосредственной связи, ни материальной, как кажется вульгарным материалистам Моррису или Бензе¹⁵, ни изоморфной, как думает Витгенштейн, ни тождественной «связи тела и души», как воображает Кассирер (стр. 117). Рассуждения о прямой связи знака и объекта («денотации») – мистика. Обозначать объект – значит просто вызывать в сознании его образ. Связь знака и объекта осуществляется только через их образы. Обозначение знаком объекта (*семиозис*, сигнификация) есть вызывание

---

¹⁴ E. Cassirer, указ. соч., 3, стр. 165; Э. Бенвенист, Общая лингвистика, М., 1974, стр. 76.

¹⁵ Ch. Morris, указ. соч., стр. 98; M. Benze, Aesthetica. Einführung in die neue Aesthetik, Baden-Baden, 1965, стр. 304.

им образа, отражающего этот объект, а объектом или его образом – знака. Производитель знака идет от объективной вещи к ее отражению – субъективному образу, а от него опять к объективному знаку. Восприниматель (перципиент, интерпретатор) идет в обратном направлении от знака к образу и от него к вещи. Знак оказывается единством противоположностей – объективных вещей и объективных медиаторов и их субъективных образов. Поэтому обозначение — отношение знака к объекту – есть тоже прагматика, а не «чистая» семантика, как думают Пирс, Моррис и их ученики.

Но почему же знак вызывает в сознании образ обозначаемого объекта? Благодаря психической связи между образами объекта и знака. Вот почему знак существует только относительно субъекта-истолкователя, т. е. имеющего такую связь образов.

Что служит основой этой нервной связи? Очевидно, она отражает объективную связь объекта и знака. Какую? У признаков это – природная причинная, пространственная или временная связь вещей. Благодаря ей туча свидетельствует о приближении дождя, кашель – о болезни и т. д. Признак есть часть прежней ситуации, и его появление напоминает и об остальной ситуации. На это объективное основание образования психических связей между образами признаков обратил внимание еще Гоббс.

Но между знаком в собственном смысле слова и обозначаемым объектом (скажем, между звуко сочетаниями: *стол*, *Tisch*, *table* и соответствующим предметом мебели) обычно нет никакой природной связи, ни причинной, ни пространственно-временной.

На чем же тогда основана психическая связь их образов? Вот вопрос, на который ни гегельянцы, ни позитивисты не в состоянии ответить, а эта неразрешимость проблемы толкает их к фантазиям: одни, как Кроче или Кассирер, вызывание знаком смысла объявляют «творением», «порождением» сознанием объектов [чувственное (*sinnlichen*), т. е. знаковый субстрат, «символическая форма» «конструирует» реальность (Vd. I, стр. 18)] или даже «чудом» (Vd. I, стр. 27); другие полагают, что значение – это какая-то субстанция (например, «информация»), «находящаяся внутри знака», а третьи, как Пирс или Соссюр, объясняют его по Гоббсу конвенциалистски – произвольным общественным договором.

Конечно, существуют знаки, образованные по более или менее произвольному соглашению (искусственные). Но на каком языке договаривались наши предки о значении слов, когда языка еще не было? Это нелепость конвенциализма, высмеянная еще Руссо. Естественные человеческие знаки – не конвенция, они имеют такое же объективное основание, как и природные признаки, только уже общественное основание, а именно – производственную и бытовую *совместную деятельность*

ность и инвариантную реакцию окружающих на них. Не произвольное соглашение, а древность происхождения превратила лиру в символ музыкального искусства, развитие денежных отношений превратило золото в символ власти и богатства, а наибольшая артикуляционная простота превратила звуки *мама - ава* или близкие им в чуть ли не международное название матери. Однако эта объективная *общественно-практическая* связь первоначальных звуковых сочетаний с обозначаемыми вещами обычно стерта последующим; фонетическим и семантическим развитием языка.

Признак – естественная основа знака; но переход признаков в знаки был скачком в новое качество, во многих отношениях противоположное, и, следовательно, отрицанием признака: заменой естественного происхождения – искусственным созданием, произвольности – намеренностью, практических качеств – коммуникативной функцией, естественно обусловленной связи с обозначаемым объектом – социально обусловленной связью.

При обмене знаками не происходит «передачи» или «обмена» образов, это только метафоры. Представления, мысли и чувства говорящего никуда не выходят за пределы его тела. Как верно отмечает ряд исследователей¹⁶, при обмене знаками происходит *вызывание* образов у других. Это явное отсутствие материального переноса образов при общении и незнание какой-либо другой основы общения приводит Шлика, Огдена и других к отрицанию самой возможности общения посредством языка к выводам о полном плюрализме значения: творцом речи объявляется не автор, а слушатель.

Однако знаковое общение – факт, а основано оно на том, что у производителя и воспринимателя знака вызываются *подобные* образы.

Следовательно, чтобы знаки служили средством общения, очевидно, необходимо, чтобы подобные друг другу образы знака и означаемого и связи-этих образов существовали в головах тех, кто общается. Только тогда слова говорящего будут вызывать соответствующие образы у слушающего. Этот образ мира, составляющий общее знание говорящего и слушающего и предваряющий и определяющий восприятие (смысл) знака, и является тем, к чему теперь подходят лингвисты, именуя по-разному: предпосылкой (*Voraussetzung*), презумпцией или (пре)суппозицией (*presupposition*)¹⁷, а Мастерман (1964) и Шрейдер

---

¹⁶ См.: А. П о т е б н я, Мысль и язык, Харьков, 1913, стр. 110; Л. О. Р е з н и к о в, Гносеологические вопросы семиотики, Л., 1964, стр. 50, 52, 56; В. З. П а н ф и л о в, Фило-софские проблемы языкознания, М., 1977, стр. 97; А.М.Коршунов, Отражение, деятельность, познание, М., 1979, стр. 66.

¹⁷ Т. Виноград, Программа, понимающая естественный язык, М., 1976; Е. В. П а д у ч е в а, Понятие презумпции в лингвистической семантике, «Семиотика и информатика», 8, М., 1977, стр. 91–96.

(1965) в своей кибернетической модели семантической информации — «тезаурусом»¹⁸. Однако все они мыслят эту предпосылку понимания не образной, а знаковой (семи).

Только *подобие* связанных со знаком образов превращает личные меты в общественные знаки в полном смысле слова, т. е. в средства общения. Но подобие в образах и их связях у людей может быть только отражением подобия их практики. Общение основано на подобии в опыте и потому в сознании. Разумеется, ни духовная, ни бытийная общность не бывают абсолютными, отчего в значении знаков есть не только общее для какого-то круга людей, но и индивидуальное («субъективное»), существующее только для одного человека (крайний случай — речь шизофреника). Вот почему при несовпадении опыта бывает так трудно передать другому свое представление. Отвечающий знаку образ у его производителя есть *подразумеваемый смысл*, а у воспринимающего знака — *воспринимаемый смысл*. В зависимости от собственного духовного содержания человек воспринимает от знака больше или меньше, чем подразумевал сообщающий. *Общее* у подразумеваемого и воспринимаемого смысла и составляет *сообщение*. Поэтому значением может быть только общее в образах, вызываемых знаком в сознании разных людей определенного социума; значение — это понятие, связанное со знаком в сознании *о б щ е с т в е н н о м*, следовательно, оно столь же субъективно, сколь и объективно.

Общая практика не только порождает общий смысл — значение знаков; та же практика служит средством проверки взаимопонимания и исправления его искажений, — контроль говорящим понимания слушателя осуществляется по реакции слушателя на знак — ответным действиям и знакам. Аналогично кибернетика разрабатывает в настоящее время способы контроля по «обратной связи» искажений («шумов») в передаче информации. Вот почему — вопреки номинализму — нахождение общего в интроспекции и практических ответах определенных социальных кругов позволяет установить значение знаков вполне объективно.

Хотя словом «знак» называют также и один его медиатор, считать знаком только медиатор, а значение явлением просто сознания — неверно. Значение, конечно не заключено внутри знака, а лишь связано с ним, но, во-первых, оно входит в сущность знака. Во-вторых, значение — психический образ, но не всякий, а особый, языковой: это элементы *о б щ е с т в е н н о г о* сознания, *с в я з а н н ы е* со *з н а к о м* и благодаря этому обобщенные, отчлененные от других образов и соотнесенные с ними, а также *обобществленные*, т. е. подчинен-

---

¹⁸ М. М а с т е р м а н , Тезаурус в синтаксисе и семантике, в кн.: «Математическая лингвистика», М., 1964, стр. 160 — 213; Ю. А. Ш р е й д е р. Об одной семантической модели информации, в кн.: «Проблемы кибернетики», 13, М., 1965, стр. 233.

ные через знак обществу, а тем самым и воле самого индивида.

Однако какое сообщение несет знак, если значение знака воспринимателю известно заранее? Новость заключается в вызывании в сознании воспринимателя образа, который в его ситуации без знака бы не появился. Отдельный знак дает *ситуативное сообщение* – новое относительно ситуации.

Однако сверх вызывания известных обоим говорящим образов, знаки позволяют передать связь образов, а новая связь образов и есть новый образ, мысль и, следовательно, сообщение, независимое от ситуации,— абстрактное. Однако связь знаков есть переход на следующую ступень развития знаков — **язык**, и его жизнь — **речь**, потому что связь знаков позволяет обозначать то, для чего нет знаков.

Общественно-практическая сущность значения, обозначения и общения показывает, что язык – система, но не автономная и саморегулирующаяся, не сочетание материальных носителей знаков самих по себе (речь или «текст»), которые каким-то мистическим способом находятся во «внутренних отношениях» друг с другом, «порождают» значения и «представляют» вещи, как считают Соссюр, Ельмслев или Бенвенист. Отрыв языка от функционирования в социальной коммуникации – общепризнанный и основной изъян теории структуралистов. Именно поэтому они усматривают язык и в природе, где нет общения. Язык социален не в том смысле, что образован конвенциональными нормами грамматики и лексики. Само значение знаков вовсе не внутри, а **вне знаков** – наши образы объектов и действий с объектами. Само обозначение и общение осуществляется посредством знаков, но **вне их** – через нашу практику и сознание. Аналогично сама связь знаков друг с другом осуществляется тоже **вне знаков** – через наше сознание как связь образов обозначаемых объектов. Таким образом, язык – только **подсистема** системы, именуемой обществом. А речь или текст сами по себе, без интерпретатора, – не какая-то автономная сущность и не система, а **только физическая структура** звуков или крючков, для природы даже случайная.

Элементарная связь знаков в общем виде означает отнесение к одному знаку другого посредством третьего, означающего это отнесение. Поэтому элементарная связь знаков должна содержать минимум три знака: два соединяемых и еще один знак их связи. Члены этой связи давно установлены логикой и лингвистикой: 1) субъект (*S*), тема – знак и образ, к которому относится другой знак и образ; 2) предикат (*P*), рема – тот знак и образ, который отнесен к *S* и 3) связка (***R***) – знак и образ связи, каковы языковые морфемы предикации (служебные слова и аффиксы), логические и математические операторы.

Поскольку **предикатные знаки** означают отношение других **зна-**

ков друг к другу, они в отдельности от других знаков теряют значение, становятся несамостоятельными, – языковой формой. Набор возможных для какого-то самостоятельного знака однородных несамостоятельных знаков называют *парадигмой*. В общем виде связи знаков можно обозначить *SRP* и назвать утверждением (рассматривая отрицание как его вид); все остальные грамматические связи – его развитие, синонимы, конечно, со своими дополнительными десигнатами (оттенками), различными в разных языках. Так, глагол – обычно знак, соединяющий в себе *P* и оператор *R*, аналогично предикатам второй степени в символической логике; наречие есть *P'* к *P* и т. д.

Морфологические категории слов («части речи») являются снятыми (преображенными посредством аффиксов) членами предложения (почему в них есть соответствие философским категориям), а морфология – снятым синтаксисом. Естественно, что там, где нет несамостоятельных морфем, как в значительной мере в китайском или в языке глухонемых, там нет и частей речи. Таков рациональный смысл основных элементов языковой структуры, которую в структурной и генеративной лингвистике представляют автономной, а не в виде отражения в значениях знаков-связок законов отношения вещей.

Надо полагать, что первоначально субъектом утверждения был непосредственно в ситуации наличный объект или его образ, как и сейчас бывает у начинающих говорить детей, да и у взрослых в ситуативных сообщениях: при установке указателя или в речи о наличных объектах. Обращая внимание на объект, говорят: «Светает», «Собака» и т. д. Видимый объект или его образ служат субъектом этих утверждений, а взгляд или жест указания – знаком связи. Здесь слово и предложение совпадают в одном предикате. Позже, вместе с языком, развилось отнесение образа к образу. Но и отношение к речевой ситуации в языке сохраняется – в значениях знаков *локации*: отношение ко времени и пространству речи, участникам коммуникации (лицо), модальности и т. д.

Связь знаков означает связь образов и порождает четвертый компонент – дополнительный смысл знаковосочетания в целом (обозначим его *W*), которого нет ни в значениях *S*, *P* и *R* порознь, ни в сложении их значений¹⁹. Так, словосочетание *светло-синий* дает совершенно новое значение – «голубой», какого нет ни в слове *светлый*, ни в слове *синий*. В словосочетании *Обедающий взял голубую чашку* появляется схематический образ пальцев, зажимающих кончиками ручку чашки, их желтый цвет, контрастный цвету чашки, приподнятость чашки над столом, хотя ни образа пальцев, ни их цвета, ни сжатости, ни стола нет в значении слова *взять* и слова *чашка*.

Это изменение смысла знаков в их сочетаниях, которое можно на-

---

¹⁹ См.: В. З. Панфилов, указ. соч., стр. 85.

звать *созначением* (*коннотацией*), а новый образ – смыслом (коннотатом), ситуативным (шире: историческим) или контекстным, является *основным законом* языка. Он вскрывает, в частности, ошибочность расистских выводов гумбольдтианцев: указывая на то, что наше восприятие мира расчленяется понятиями – лексическими и грамматическими значениями, они изображают умы народов пленниками собственного языка²⁰. Идея посредствующей роли языка в понимании мира, конечно, верна: каждое слово и обобщает, и расчленяет воспринимаемое. Голубизна, тяжесть, размер, форма и т. д. отдельно от целой вещи не существуют, но отдельные слова, обозначающие их, есть. И различие этого членения мира по значениям слов в разных языках – факт.

Но, с одной стороны, человек не утратил способности животных воспринимать мир и до языка; само членение мира по значениям морфем порождено предшествующим опытом народа и, следовательно, вторично; с другой стороны, словосочетания порождают новый смысл (W) и тем самым преодолевают ограниченность значений слов и аффиксов, почему мышление снимает различие семантических структур языков. Поэтому содержание сознания намного шире всех языковых значений. Значения морфем и слов – понятия, но понятия не тождественны значениям морфем и слов, они могут быть обозначены словосочетаниями и целыми теориями. Вот почему самые разные языки могут обслуживать однотипные культуры и наоборот. Язык – не оковы ума, а средство нашего владения чужим и своим сознанием. Гумбольдтианский же языковой фатализм выведен именно из сведения языка к словарям и грамматикам.

Однако откуда этот новый смысл знакосочетания?

Ему неоткуда взяться, как только из представления *действительности* (речевой предпосылки). Если морфему и слово знают, то новое слово и словосочетание *понимают*. Понимание смысла соединения знаков есть создание на основе всех их образов нового образа – такого, какой может соответствовать представлению действительности.

Поэтому всякое сочетание знаков вызывает прежде всего потребность в понимании, а причиной непонимания может быть не только незнание языка, но также незнание обозначаемого явления или оттенков его восприятия — отсутствие общего представления действительности, или слабость воображения (такие люди не понимают или почти не понимают фигуральных выражений), или, наконец, бессмысленность высказывания, невозможность его соответствия чему-либо в дей-

---

²⁰ . Критику гумбольдтианства см.: М. М. Гухман, Лингвистическая теория Л. Вайсгербера, в кн.: «Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике», М., 1961; Л. О. Резнико в, Проблема значения слова в свете ленинской теории отражения, ВФ, 1969, 11, стр. 27; В.З. Панфилов, Взаимоотношение языка и мышления, М., 1971, стр. 66 – 112; е г о же, Философские проблемы языкознания, М., 1977, стр. 17 – 44.

ствительности, как это бывает при оторванности воображения от реалий у чрезмерно возбужденного или сумасшедшего, или просто от декадентской страсти эпатировать. Знакосочетание, не подтверждаемое действительностью, ничего не означает, и его загадочность возбуждает только раздражение и неудовлетворенность.

Поэтому осмысленное высказывание порождается не механическим соединением знаков. Поиски Витгенштейном формальных критериев осмысленности словосочетаний не могли привести ни к чему, кроме понятия о их *правильности*. Осмысленное высказывание порождается видением какого-то образа в действительности и нахождением соответствующих ему слов, т. е. конкретная структура и смысл знаковочетания определяются мыслью, а не какими-то правилами, «чистыми формами», и в рамках только языка непредсказуема. Весь лингвистический формализм, и в частности школа Хомского, логически вытекает именно из понимания языка как свода правил, существующих в сознании говорящего. В действительности, никакого синтаксиса, отдельного от смысла, в сознании говорящего нет.

Грамматические правила (исключая орфографию и другие условные правила кодирования) являются абстракциями от законов речи, полученными наукой веками труда, но в речи о них обычно не вспоминаю! даже те, кто их знает, подобно тому, как природа не думает о законах Ньютона или Максвелла, хотя и действует по этим законам. Многие «трансформы» произошли из *SRP* исторически, но говорящие таких трансформаций обычно не производят. Язык – не правила, а *средства* – значимые единицы; внутренняя форма языка — это значения служебных слов и аффиксов. И даже влияние образцов сочетаний языковых единиц обусловлено только тем, что несамостоятельные единицы вне этих сочетаний не существуют и вычлениаются их сравнением. Нет «глубинной структуры»; есть представление о т н о ш е н и й вещей, таких, как действие, его субъект, объект, атрибут, количество и т. д., единое к тому же с целым смыслом. Представление действительности и соответствие ему смысла, образуемого связью значений морфем и слов, – вот определяющий закон порождения и понимания знаковочетаний, а стало быть, и другой основной закон языка.

Особый вид связи знаков – **метафора** (троп) – в широком смысле всякий *перенос* концепта на отличный тип денотата. Ее компоненты, выделяемые, например, Потебней: «сравнение» слов А и В по «общему признаку», или выделяемые Ричардсом [tenor, тема, то, что сравнивается, vehicle (передатчик), то с чем сравнивается, и основание их сравнения (ground), общее в них ²¹], являются обычными элементами утверждения *SRP*. Поэтому метафора также не может состоять из одного слова, разве что с новым аффиксом (неологизм) или в новой ситуации. Специфика

---

²¹ I. A. Richards, The philosophy of rhetoric, New York, 1936, стр. 93.

метафоры в необычности соединения морфем или слов, создающим поэтому у них такой смысл (W), который не является обычным в языке их значением.

По характеру своего образа (W) метафоры могут быть самыми различными: наглядными (Пушкин: у фонтана «серебряная пыль»), эмоциональными (Лермонтов: «Ее степей холодное молчанье»), понятийными (Гете: «Теория, мой друг, сера»; теория не имеет цвета – подразумеваются ее схемы, которые неполнотой похожи на серый цвет). Поскольку метафора опирается на содержательное отношение – *подобие*, неудачны попытки семиотистов представить ее через пересечения и объединения теории множеств (*resp.* логики классов), рассматривающих отношения не подобия, а количественные (~ экстенциональные).

Речь (употребление языка) состоит в образовании знакосочетаний для обозначения различных явлений, в частности, и новых для нас; а обозначение старыми знаками нового явления и есть метафора, которая поэтому в рамках языка тем более непредсказуема. Метафора – порождение противоречия языка с видением действительности – недостаточности языка – и одновременно средство преодоления этого противоречия, средство развития языка. Естественна ее широкая распространенность в речи: *тонкий голос, солнце встает, ножки стола* и т. д. Она обычна даже в науке: *электромагнитные волны, спин*, да и сами термины *метафора, vehicle*. В математическом уравнении любого физического закона приравниваются различные сущности; например, в законе Бойля – Мариотта $P_1/P_2 = V_2/V_1$ – отношение сил давления сравнивается с отношением объема газа.

Особая метафоричность художественной речи обусловлена потребностью обозначать многообразие восприятий, часто очень необычных. Но не в метафорах источник поэтичности, как полагают формалисты, заподозрившие в ней средство обновления («остранения») и продления восприятия («затруднения»). Такое поспешное заключение толкает к самоцельной погоне за метафорами, хотя метафора употребляется и в сухих научных текстах, а поэзия, как давно показано, возможна и без метафор, например, у Пушкина они не часты. Истинная метафора порождается видением нового в мире, а самоцельная новизна словосочетаний ничему не соответствует в мире и не порождает нового представления, а только раздражает невразумительностью и вычурностью.

Лексическая необычность словосочетания в метафоре не мешает ей стать банальной, но она остается метафорой, пока смысл ее предиката (*vehicle*) в языковом сознании противопоставлен его значению и поэтому не употребляется вне этого частного словосочетания. Но когда метафора применена для обозначения не особенностей индивидуально-восприятия, как обычно в художественной литературе, а для указа-

ния на общезначимую новую черту (десигнат), тогда контекстный метафорический смысл слова превращается в самостоятельное новое языковое значение, как недавно произошло со словами *поле* (тяготения), *мантия* (Земли), *спутник* (планеты), *память* (компьютера) и др.

Метафора — обычный путь развития значения слова, источник его многозначности. Метафорически изменяются значения даже аффиксов, отчего первоначально совпадающие с подлежащим и сказуемым *S* и *P* могут переместиться вплоть до обратного первоначальному, как в пассиве и эргативе; *Рабочие (S) построили дом* → *Дом (S) построен рабочими*. Соотношение значения и нового употребления (контекстного смысла) является метафорой; соотношение старого и нового значения — снятая, обычно внутрисловная (из морфем) метафора — именуется по Платону, Гумбольдту и Потембне «внутренней формой» слова, а целый ряд внутренних форм — родственные отношения слова — его *этимологией*.

Многозначность знака превращает связанные с ним другие знаки (контекст) в дополнительный знак, выявляющий одно из его многих значений (в примере *взять чашку* реализуется значение «охватить») и исключающий другие (*унести, получить, овладеть, преодолеть* и т. д.) Действительность — речь и понимание её смысла — возникает из многих возможностей — значений морфем.

Таким образом, с одной стороны, смысл знаковосочетания — это функция возможных значений знака и миропредставления, а с другой, реальное значение знака определяется знаковосочетанием как дополнительным знаком. Вне контекста смысл многозначного слова остается неизвестным. Поэтому причина языковых недоразумений не просто в многозначности слов, как считают номиналисты, а еще в недостаточности контекста. Соответственно избавление от путаницы не просто во введении однозначных искусственных слов (терминов) и знаков, хотя и оно нужно.

Абсолютная окончательная однозначность — утопия. В казалось бы однозначном знаке с развитием познания не исключено обнаружение разных значений.

Так было с понятиями $\int$, Si или ∞ , и никакой термин или знак не спасает от этого противоречия, требующего введения дополнительных знаков $\oint$, ^{28}Si , актуальная ∞ .

Первое средство от языковых недоразумений — уточнение контекста, в частности определения, а термин или знак является всего лишь кратким обозначением смысла этого контекста.

Воспринимаемость звуковых и письменных знаков не только для других, но и для самого их автора создает возможность совпадения производителя и воспринимающего знаков в одном лице и позволяет

знакам выполнять функцию средства запоминания (меты) во внешней и внутренней речи, средства оперирования знаками с самим собой (рассуждения), а через них – оперирования образами не только других людей, но и своих собственных – средством мышления. Неверно противопоставлять общение и мышление как функции языка. У человека нет общения без мысли, а человеческое мышление есть преобразованное общение, диалог с самим собой и потому вторично: на основе коммуникативной функции языка развивается функция мыслительная. Причем и здесь связь предшествующих мыслей с последующими возможна благодаря не просто звучанию предшествующей речи или даже его «компрессии»²² – ведь оно уже не существует, – а благодаря сохранению в сознании в качестве предпосылки новой речи с м ы с л о в о г о о б р а з а отзвучавшей речи. Образное мышление высших животных в соединении с языком обретает возможность внеситуативности и переходит в абстрактное понятийное мышление человека. Психическая связь (соответствие) образов знака и обозначаемого позволяет знаку выступать для сознания в качестве заместителя образов и вещей: действие над вещами заменяется действиями над образами (воображение), над образами их знаков (рассуждение) и над знаками (работа компьютера).

Такие образом, язык развился из предзнаков и знаков и содержит их в себе диалектически снятыми: язык образован связью знаков, а элементы языкового материала (фонемы, интонемы, ударения, смысловоразличительная долготность, паузы и порядок этих материальных элементов) – искусственные типизированные признаки (меты), выражения и сигналы.

Но кроме предзнаковых и знаковых элементов системы языка, предзнаки и знаки содержатся и в р е ч и – в качестве а г р е г а т н ы х в к л ю ч е н и й древних слоев. Рассмотрим их.

1. Антропологическими и социальными р е ч е в ы м и п р и з н а к а м и являются признаки пола и возраста говорящего, его социального происхождения, профессии и культурного уровня и заключаются они не только в тембре, громкости и высоте голоса, интонациях и скорости речи, за изучение чего взялись теперь паралингвисты, но и в отборе лексики и грамматических оборотов (стиле), откуда развиваются языковые признаки; книжность, просторечие, архаичность и другие признаки положения элемента в языковой истории и системе.

2. Р е ч е в ы м и в ы р а ж е н и я м и являются эмоциональные интонации и м е ж д о м е т и я , которые не разложимы на морфемы фонемы (содержат звуки, не встречающиеся в языке), лишены

---

²² Ср.: Н. И. Ж и н к и н, О кодовых переходах во внутренней речи. «Тезисы докладов и сообщений на научной дискуссии „Язык и мышление“, М., 1965, стр. 31–33.

концепта и не могут вступать в грамматические связи с другими словами как члены ²предложения, следовательно, не входят в систему языка, — в отличие от эмотивных значений слов (*глаза – очи*) и. аффиксов (*глазoньки*); хотя любое слово может превратиться в выражение (в восклицаниях и ругательствах), как междометие – в слово (*твои ахи, ахать*).

3. В с и г н а л ы «опускаются» слова, указывающие непосредственно на ситуацию и побуждающие к непосредственному действию, каковы императив, пароли или команды: *на!*, *тсс!*, *стоп!*, *вон!* стартовое спортивное *марш!* и т. п., которые почти свободны от образного значения и потому могут быть заменены жестом или даже выстрелом; о древности императива свидетельствует его совпадение почти во всех флективных языках с корнем.

4. Наконец, в качестве з н а к а могут выступать отдельно употребленные в отнесении к ситуации морфемы и устойчивые объединения морфем: слитные слова (одноморфемные или многоморфемные, но утратившие внутреннюю форму от постоянного слитного употребления) и даже шаблонные словосочетания, например, этикетные: *Добрый день! Как дела? Спасибо!* и т. п.

Но язык – новое качество, не сводимое к знакам и предзнакам. Специфику языка нужно искать не на уровне знаков; простое перечисление слов: *голубой, брать,, чашка* – и тем более морфем: *голуб-, бра-, ой-, -ть* – предстает бессмыслицей, потому что лишено связи. Отдельные знаки еще не язык. Язык образует *связь* знаков (*SRP*) в сверхзнаковые единицы – предложения и незаконченные предложения – свободные многоморфемные слова и словосочетания – посредством выделения над объектными знаками новых предикатных знаков (*R*), означающих отношения знаков друг к другу. Эта предикатная сущность языка и его реальности (речи) определяет их отличие от знака – новые, сверхзнаковые законы, следующие один из другого:

1) п р е д и к а т н о с т ь языка, но только объектность (номинативность) первичных знаков; отсюда

2) с в я з н о с т ь речи, но разрозненность первичных знаков; отсюда

3) с е м и у р о в н е в а я и е р а р х и ч н о с т ь языка: меты фонем → фонемы → морфемы (в свою очередь трех уровней: объектные, локационные и предикатные) → слова (точнее, лексемы) → синтагмы → предложения → сложные предложения → речь. Даже знаки не идут дальше третьей ступени, а выражения одноуровневые. Давно замеченное различие: членораздельность (артикулированность) человеческой речи, но однородность голосов животных – является внешним проявлением иерархической структурности речи; отсюда

4) т в о р и м о с т ь речи, но данность знака; отсюда

5) п о н и м а н и е речи, но знание знака, иначе говоря, – порождение речи в единстве со смыслом и порождение речью смысла – из соотношений значений слов, аффиксов и миропредставления; отсюда:

6) с м ы с л речи, но з н а ч е н и е знака. У знаков актуально только значение, потому что подразумеваемый и воспринимаемый смысл знаков – вне их функции; употребление з н а к а – локация, его отнесение к ситуации, есть сообщение; но у знакосочетаний возникает смысл (W), превосходящий сочетаемые значения, у предложения – смысл, отнесенный к действительности, – суждение, мысль; отсюда

7) н а д с и т у а т и в н о с т ь языка: возможность абстрагирования речи от ситуации, отнесения к действительности вообще или даже к воображаемому, но непереносимая ситуативность применения первичных знаков; отсюда

8) м е т а ф о р и ч н о с т ь языка, но прямозначность первичного знака. Ситуативная обусловленность медиатора, значения и применения первичных знаков исключают их метафоризацию. Невозможно поклониться метафорически, потому что жест невозможно оторвать от жестикулирующего человека и даже от его объекта: поклон, когда никого нет, просто теряет смысл, а не обретает метафорический. Но в речи слово поклон легко употребляется метафорически (*собственность поклоняется золоту*); отсюда

9) постоянное с е м а н т и ч е с к о е развитие языка, но большая устойчивость значений первичных знаков; отсюда

10) м н о г о з н а ч н о с т ь морфем и слов — при движении к однозначности предложения, но обычно однозначность первичных знаков; отсюда

11) с н я т о с т ь (обратная преображенность) с а м и х з н а к о в языком: морфемы и слова теряют самостоятельность и прежнее знаковое качество; вне предложения они не имеют определенного значения и существуют только в словарях, но не на практике. Употребление слова, даже одного, есть предложение;

12) н е о г р а н и ч е н н о с т ь языка, но замкнутость знаков. Для сигнализации животных или дорожных знаков легко составить список, и других значений они выразить не в состоянии. А в языке огромное, но тем не менее ограниченное количество морфем в их сочетаниях дает неограниченное количество слов, а сочетание слов дает неограниченное количество предложений;

13) н о в ы е ф у н к ц и и языка: *организационная* (труда и общественного бытия), *мыслительная* (обобщения, абстракции и оперирования понятиями) и – шире – *волевая* (самоуправление сознанием), а у первичных знаков функции только координационная, коммуникативная и мнемоническая.

Как видим, различия существенны.

Но с развитием цивилизации речь как первое средство материального воплощения и подчинения людям их собственного сознания стала недостаточной по своим возможностям – и появились средства более полного и устойчивого воплощения сознания, сама способность к которым была развита у человека тем же трудовым преобразованием вещей. Первое такое средство – *искусственные знаки*, вторичные, создаваемые сокращенным типизированным изображением, но не самого обозначаемого явления (что уже не было бы знаком), а только какого-то его броского признака, иначе говоря, мета, но отделенная от своего типа объектов, и потому изобразительная метафора — это условные жесты, как телесные, так и голосовые (многие идеофоны: *йих, трах* и т. д.), символы, письма и многие человеческие сигналы. **Символ** — искусственно выделенный признак (не случайно *συμβολον* – по-гречески «примета») – вещь или ее изображение, вынесенные из их закономерной ситуации в знаковую.

Признак имеет много объективных связей с другими явлениями, поэтому такой самозначный символ – художественный, мифологический, рекламный или корпоративный – многозначен, в отличие от договорных символов: эмблем, аллегорий, юридических или научных символов – изображений, значение которых обусловлено не столько их объективными связями, сколько истолкованием, от намеков до теории, т. е. условных (конвенциональных) в прямом смысле и поэтому более однозначных.

Искусственные знаки обычно специализированы к выполнению какой-нибудь одной функции: скажем, письма как система мет – только для запоминания и сообщения, дорожные или воинские знаки – только для сообщения, логическая или математическая символика – в первую очередь для мышления, анализа задач.

Искусственные знаки обычно выступают в качестве кодов. Коды – не любые знаки или языки («совокупность конвенциональных правил»), как неряшливо щеголяют этим модным словом структуралисты. Коды – это знаки знаков. Например, по отношению к числительным коды – цифры, по отношению к фонемам – буквы, по отношению к буквам – знаки Морзе, знаки пальцевой азбуки глухонемых или двоичные числа в компьютерах и т. д. Обозначение знаков другими знаками – их преобразование, кодирование, вызвано в общественной борьбе необходимостью сохранения тайны (секретные коды – шифры); в науке – необходимостью облегчения обозримости и уточнения математических вычислений и других рассуждений, а теперь – их автоматизацией в ЭВМ (формализация); в системах связи и автоматики — необходимостью приспособления к материальным возможностям каналов связи на их физических границах.

Обычно коды не являются языками, даже искусственными, по-

тому что они не имеют связок (R) и не производят нового смысла (W). Письмена или даже дорожные знаки (где уже есть соединение с общей метой указания, запрета или предписания) просто стоят рядом: ограничить скорость, поворот и т. д. Поэтому они – не связная с и с т е м а , а только набор. Некоторое исключение составляет символика логики, математики и программирования компьютеров; в ней есть операторы и потому не только значение, но и производный смысл, обозначаемый новым знаком (знаком результата операции). Но зато в них, если только они не прилагаются к решению конкретной задачи, нет объектных и локационных знаков, а только знаки объектных знаков («переменные»). Поэтому если они языки, то формализованные.

Однако любые коды по самой своей сущности вторичны, существуют на основе естественного языка, поэтому это не особая самостоятельная система знаков, а только иная манифестация определенной семантической области естественного языка. Действительно искусственными языками являются жестовый язык глухонемых, эсперанто, идо и т. п.

Хотя по ступени (восьмой) развития место символа в нашем анализе здесь, но мы вынесли понятие о нем также и в начало, потому что только сравнение с развитой формой знака служит ключом к объяснению отличия и генетической классификации более низких семиотических явлений.

Таким образом, **язык** – система предзнаковых (меты фонем, фонемы, интонемы, паузы и т. д.), знаковых (морфемы, слитные слова и шаблонные словосочетания) и надзнаковых (членимые слова, словосочетания и предложения) элементов, в которой знаки сняты надзнаками. Не в том дело, что язык не образован из знаков, а в том, что он содержит их в себе подчиненными новым, уже не знаковым, а языковым законам. Так, молекула образована из атомов, но молекула – не атом и не множество атомов, а система нового качества – новых свойств и законов.

Отсюда вытекает ошибочность семиотизма: семиотика вовсе не поглощает лингвистику, как и лингвистика не включает семиотику, а обе являются самостоятельными науками, отношение которых, подобно отношению других разноуровневых наук, следует закону связи, но несводимости форм движения материи.

Так, живая клетка образована из молекул, и биология опирается на химию в изучении молекул и их взаимодействий в клетке. Тем не менее биология – не химия, а самостоятельная наука со своим особым предметом исследований, методами, категориями и законами.